

Е. Ф. Кринко, К. В. Сак
**«ДОМА ТЕРПИМОСТИ» В РОСТОВСКОЙ И СТАЛИНСКОЙ ОБЛАСТЯХ
 В ПЕРИОД НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ В 1942–1943 гг.***

doi: 10.30759/1728-9718-2023-2(79)-106-115

УДК 94(470.61+ 477.62)“1941/1945”

ББК 63.3(2)622-9

В статье рассматриваются организация и функционирование нацистских публичных домов на территории Ростовской и Сталинской (Донецкой) областей в условиях нацистской оккупации в годы Великой Отечественной войны. В условиях «войны на уничтожение» и «нового порядка» советские женщины оказались в исключительной ситуации двойной гендерной дискриминации — одновременно как «унтерменши» и как «трофеи». Одной из форм половой коллаборации стала работа в легальных «бордель-хаусах», предназначенных исключительно для обслуживания комбатантов вермахта. Формально работавшие в борделях девушки могли считаться одной из наиболее защищенных групп населения в оккупации: они получали значительный доход, паек, медицинскую помощь, бронь от отправки в Германию. Но в советском обществе такие женщины становились изгоями. В статье рассмотрены процедуры открытия публичных домов в Ростовской области и в г. Сталино, состав их организаторов, основного и обслуживающего персонала, условия работы и заболеваемости женщин. Исследование выполнено на основе документов двух государственных архивов: Государственного архива Российской Федерации (фонд Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР) и Государственного архива Ростовской области (фонд Комиссии по учету ущерба и злодеяний, нанесенных немецко-фашистскими оккупантами учреждениям, предприятиям и гражданам г. Ростова-на-Дону и Ростовской области). Данные документы впервые вводятся в научный оборот. Авторы опирались на подходы гендерной истории, военной повседневности и исторической антропологии.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, оккупация, легальная проституция, «новый порядок»*

Вторая мировая война существенно повлияла на повседневность жителей воюющих стран, особенно оказавшихся на оккупированной территории, большую часть которых составляли женщины. Приспосабливаясь к «новому порядку» и культурным нормам захватчиков, они были вынуждены искать приемлемые для себя способы выживания. К ним следует отнести и разные формы половой коллаборации, включая проституцию. Нацистские публичные дома легально работали во всех оккупированных вермахтом европейских

странах.¹ Однако принципиальное отличие положения женщин на оккупированной территории СССР состояло в том, что они, как представительницы «низшей расы», были более подвержены разного рода агрессии, включая сексуальную, по сравнению с женщинами европейских стран.

В условиях нынешних «войн памяти» тема сексуального насилия вышла далеко за рамки научных дискуссий. Так, в Германии сложился миф о чуть ли не поголовном изнасиловании немецких женщин, подвергаемый резкой критике многими исследователями.² В Южной Корее и Японии острую полемику вызывает феномен корейских «женщин для утешения». В 1990-х гг. они официально были признаны жертвами сексуального насилия со стороны Императорской армии Японии. В 2017 г. в Южной Корее был установлен день памяти

*Кринко Евгений Федорович — д.и.н., г.н.с., Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН (г. Ростов-на-Дону)
 E-mail: krinko@mail.ru*

*Сак Ксения Васильевна — к.и.н., доцент, Первый Московский государственный медицинский университет (г. Москва)
 E-mail: ksenia.sak@gmail.com*

* Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, проект № 122020100347-2 «Политические и социокультурные процессы на Юге России (XVII–XXI вв.)» (рук. Е. Ф. Кринко)

¹ См.: Surviving Hitler and Mussolini: Daily life in occupied Europe. Oxford; New York, 2006.

² См.: Сенявская Е. С. «Вас соблазняют немки, мужья которых обошли все публичные дома Европы...» Освобождение Европы от фашизма Красной армией в 1944–1945 гг. в свете новых архивных документов // Уральский исторический вестник. 2020. № 3 (68). С. 99–106.

женщин «станций утешения», открыты несколько памятников. Представленные в международном публичном пространстве факты принуждения к проституции тысяч кореянок вывели проблему гендерной дискриминации и насилия, а также ответственности за это агрессоров на новый уровень осмысления. История оккупации территорий СССР знает факты как массовых изнасилований советских женщин комбатантами вермахта, так и существования легальных нацистских борделей. Однако эти сюжеты не стали частью послевоенной коллективной памяти и до сих пор в общественном сознании остаются табуированными.

Женская военная повседневность находится в фокусе внимания отечественных и зарубежных исследователей не один десяток лет. Однако проблемы половых отношений и кросс-культурного взаимодействия в оккупации в контексте гендерной истории, военной повседневности и исторической антропологии стали рассматриваться сравнительно недавно.³ Сторонники гендерной теории сходятся во мнении о том, что женщины занимались проституцией либо вследствие непосредственной угрозы их жизни, либо из-за крайне тяжелого экономического положения. Поэтому их выбор нельзя расценивать как добровольный, он априори вынужденный. Свое тело женщины в оккупации использовали как ресурс, в обмен на еду и относительную безопасность.⁴ Легализованная властями «нового порядка» проституция — наглядное свидетельство гендерной иерархии в сфере сексуальности: «Женщин фактически лишали права на собственное тело и его неприкосновенность: на время войны оно было “национализировано”, поставлено на службу войску и превратилось в поле символической битвы, одним из орудий в которой стало сексуальное насилие».⁵

³ См.: Berkhoff K. C. *Harvest of Despair. Life and Death in Ukraine under Nazi Rule*. Cambridge, 2004; Sommer R. *Das KZ-Bordell: Sexuelle Zwangsarbeit in nationalsozialistischen Konzentrationslagern*. Paderborn, 2009; Markwick R. D., Cardona E. C. *Soviet Women on the Frontline in the Second World War*. New York, 2012; Steinberg J. *The Third Reich Reflected: German Civil Administration in the Occupied Soviet Union, 1941–1944* // *English Historical Review*. 1995. № 110. P. 620–651; Реброва И. В. «Женская» повседневность в проблемном поле истории Великой Отечественной войны // *Женщина в российском обществе*. 2008. № 2 (47). С. 25–33.

⁴ См.: Стяжкіна О. «Окуповані» жінки: чинники, ресурси та стратегії виживання // *Жінки Центральної та Східної Європи у другій світовій війні: гендерна специфіка досвіду в часи екстремального насильства*. Київ, 2015. С. 193.

⁵ Кісь О. Жіночі обличчя війни: ключові теми і підходи у західній феміністській історіографії // *Жінки Центральної та Східної Європи...* С. 34.

В контексте гендерного насилия стоит отметить отдельно фундированное исследование Р. Мюльхойзер, которое посвящено сексуальным отношениям на оккупированной территории СССР.⁶ Историк рассматривает проблему легальной проституции как части гендерного насилия через практики нацистского командования по регулированию сексуальных отношений. Вместе с тем до сих пор недостаточно изученными остаются базовые вопросы. Например, неизвестно даже приблизительно, какое число публичных домов работало в оккупации и сколько женщин было вовлечено в их деятельность.

Чем бы ни был обусловлен выбор женщинами именно такой стратегии выживания, формально он считается проявлением коллаборационизма. Именно так воспринимало это большинство современников. Наглядным отражением этой позиции стали публичные наказания после войны в европейских странах для женщин, вступавших в интимную близость с оккупантами: одни были острижены, другие приговаривались к денежным штрафам, общественным работам и даже к лишению свободы.⁷ В научной литературе это явление получило название «половой коллаборационизм»,⁸ «горизонтальный коллаборационизм», в последнее время смягченный и таким определением, как «сентиментальный коллаборационизм».⁹

В Государственном архиве Ростовской области (далее — ГАРО) хранится комплекс документов, отражающих работу «домов терпимости». Они содержатся в фонде Р-3613 — Комиссии по учету ущерба и злодеяний, нанесенных немецко-фашистскими оккупантами учреждениям, предприятиям и гражданам г. Ростова-на-Дону и Ростовской области.¹⁰ Среди представленных в фонде документов — черновой и чистовой варианты сборника «Документальный рассказ о немецко-фашистских домах терпимости в Ростовской области», подготовленного в качестве

⁶ См.: Mühlhäuser R. *Eroberungen. Sexuelle Gewalttaten und intime Beziehungen deutscher Soldaten in der Sowjetunion, 1941–1945*. Hamburg, 2010.

⁷ См.: Frommer B. *Denouncers and fraternizers: gender, collaboration, and retribution in Bohemia and Moravia during World War II and after* // *Gender and war in Twentieth-century Eastern Europe*. Bloomington, 2006. P. 111–132.

⁸ Ковалев Б. Н. *Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы*. Великий Новгород, 2009.

⁹ Vinen R. *The Unfree Franch: Life Under the Occupation*. New Haven; London, 2007. P. 176.

¹⁰ См.: Voronin K. V. *Documents about the Activities of the Rostov Regional Commission for the Establishment and Investigation of the Crimes of the Nazi Invaders and the Damage Caused by Them* // *Russkii Arkhiv*. 2019. № 7 (1). P. 57–79.

второго выпуска в серии «Следы фашистского зверя на Дону» архивным отделом Управления НКВД по Ростовской области в 1944 г.¹¹ Документальный рассказ целиком построен на подлинных документах ростовской ортско-мендатуры и показаниях свидетелей.¹²

В фонде Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК) в Государственном архиве Российской Федерации (далее — ГАРФ) отложено дело на близкую тему. Это протоколы допросов сотрудников и бывших проституток немецкого и итальянского борделей в г. Сталино (в оккупации — Юзовка, современное название — Донецк), проведенных сотрудниками отдела уголовного розыска Управления милиции Управления НКВД Сталинской области. Всего по делу о борделях были получены показания восьми человек.

Женские показания о работе публичных домов имеют свою специфику. Стоит учитывать, что их давали либо штатные сотрудницы, которые проституцией не занимались, либо сами «барышни», задержанные органами НКВД. Женщины, которые не попали в поле зрения следственных органов, своих свидетельств не оставили. Как и подавляющее большинство советских гражданок, переживших насилие, после войны они оказались «фигурами умолчания», и их тяжелый и крайне травматичный опыт выживания в оккупации не был артикулирован.¹³

Открытие публичных домов в Ростовской области и г. Сталино

В нацистской Германии легальные публичные дома начали работать в 1934 г. Инициатива в этом вопросе принадлежала рейхсфюреру СС Г. Гиммлеру и высшему военному командованию.¹⁴ Странники государственного регулирования проституции полагали, что работа женщин в борделях предотвратит развитие подпольной проституции и сократит

распространение венерических заболеваний. В 1936 г. в Германии появились первые публичные дома для солдат. Вскоре после начала Второй мировой войны 9 сентября 1939 г. министр внутренних дел В. Фрик подписал декрет о повсеместной организации в Третьем рейхе борделей для будущих комбатантов.

Вопрос об организации стационарных публичных домов для военнослужащих вермахта на захваченной территории появился впервые в документах СД и полиции безопасности 25 февраля 1942 г.¹⁵ Но только 27 января 1943 г. последовало официальное распоряжение начальника штаба Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии генерал-фельдмаршала В. Кейтеля о создании стационарных публичных домов на всех оккупированных территориях.¹⁶ На использование в борделях «унтерменшей» военные власти закрывали глаза, руководствуясь прагматичными соображениями.¹⁷

В СССР в результате ряда целенаправленных мер правительства проституция как открытое социальное явление в 1930-х гг. практически перестала существовать. В советском обществе занятие этим «ремеслом» порицалось, считалось неприемлемым и преступным.¹⁸

Промышленный центр Донбасса г. Сталино и западная часть Ростовской области были оккупированы вермахтом в октябре–ноябре 1941 г. Сталино и Таганрог находились под оккупацией около двух лет. Ростов-на-Дону был захвачен дважды: первая, сравнительно короткая, оккупация продолжалась неделю, с 21 по 29 ноября 1941 г., вторая, более длительная, с 24 июля 1942 г. по 14 февраля 1943 г.

Первый публичный дом на оккупированной территории Ростовской области открылся в Таганроге 26 декабря 1941 г. в здании детских яслей. Он назывался «Гостиница № 7», просуществовал 20 месяцев до самого освобождения города 30 августа 1943 г. Чуть позже, 21 января 1942 г., в Таганроге была открыта еще одна «гостиница» для немецких офицеров, которая проработала до ноября, почти 10 месяцев. В Сталино патент на открытие в здании бывшей гостиницы «Октябрь» публичного дома «Гостиница «Великобритания» был предоставлен городской управой в начале

¹¹ См.: ГАРФ. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 16; 16а.

¹² Там же. Д. 16. Л. 3; Д. 16а. Л. 4.

¹³ Никонова О. Женщины, война и «фигуры умолчания» // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2005. № 2–3 (40–41). С. 282–289.

¹⁴ См.: Timm A. F. The Ambivalent Outsider: Prostitution, Promiscuity, and vd Control in Nazi Berlin // Social Outsiders in Nazi Germany. Princeton, 2001. P. 192–211.

¹⁵ См.: Mühlhäuser R. Op. cit. P. 214.

¹⁶ Ibid. P. 215.

¹⁷ Ibid. P. 225.

¹⁸ См.: Лебина Н. Б., Шкаровский М. В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. — 40-е гг. XX в.). М., 1994. С. 132–178.

1942 г. «Итальянское казино» в Сталино было открыто в то же время и работало до апреля–мая 1943 г. В Ростове-на-Дону только 26 декабря 1942 г. открылся солдатский бордель, проработавший около трех недель, до середины января 1943 г. На воротах дома было написано *Nur o für der Deutschen*, что четко обозначило группу «клиентов».¹⁹ Еще один публичный дом в станице Кагальницкой Ростовской области действовал вплоть до отступления частей вермахта 3 февраля 1943 г. Но о нем сохранилось значительно меньше сведений, поэтому далее будут рассматриваться только публичные дома в крупных городах Таганроге, Ростове-на-Дону и Сталино, в большинстве своем открытые в начале 1942 г., когда стало очевидно, что война приобретает затяжной характер.

Организаторы и обслуживающий персонал

Высшим органом власти в оккупированных районах РСФСР была военная комендатура. Для решения административных и хозяйственных задач, а также контроля над населением в городах создавались управы во главе с бургомистрами. При городской управе открывалась Биржа труда для регистрации и направления на работы горожан. Управа давала разрешение на открытие частных предприятий, в том числе и публичных домов. Деятельность «бордель-хаусов» не афишировалась публично и скрывалась под вывеской гостиницы, казино, «заезжего двора» и т. п.

Из рассказа переводчицы городской управы Таганрога Н. Д. Горбенко известно, что инициаторами открытия офицерского «казино» в Таганроге выступили майор Г. Альберти и адъютант Пааль.²⁰ Г. Альберти состоял офицером для особых поручений ортскомендатуры Таганрога, одновременно являясь заместителем военного коменданта. С марта по август 1942 г. он занимал должность ортскоменданта. Исполнителем указаний ортскомендатуры в Таганроге стал бургомистр Н. Ходеевский. Он осуществлял непосредственный контроль за открытием в городе двух борделей для немецких солдат и офицеров. Деятельность борделей неоднократно по заданиям немецкого коменданта ревизовал отдел городского контроля бургомистерства.²¹

В Ростове-на-Дону в организации публичного дома для солдат также непосредственное участие принимала ортскомендатура. Заведующая хозяйством А. Н. Воронина сообщала, что она получила назначение на должность от немецкого врача-венеролога ортскомендатуры Людерса.²² Прямое отношение к открытию солдатского борделя в Ростове имел и бургомистр Н. П. Тикерпу.²³ Директором публичного дома стал немец — ефрейтор Г. Меерольд.²⁴

В Сталино инициатором устройства гостиницы «Великобритания» был местный житель, украинец по национальности, Г. М. Бондарь. Патент он получил от финансового отдела Биржи труда.²⁵ Чуть позже городская управа утвердила штатное расписание и смету «гостиницы», а продовольственный отдел выписывал «девушкам» карточки на питание. С марта 1943 г. руководство «гостиницей» перешло к старшему санитару немцу Эвальту в полное распоряжение ортскомендатуры.²⁶

Ортскомендатура и городская управа утверждали директоров «бордель-хаусов». В подавляющем большинстве случаев это были советские граждане. Они добровольно сотрудничали с оккупационными властями, стремясь извлечь из этого экономические и социальные выгоды. Директором солдатского «казино» в Таганроге была М. Ф. Бинюшиц. Она происходила из семьи мещан Таганрога, имела шесть классов образования в дореволюционной женской гимназии. В 1937 г. ее супруг, немец по национальности, вместе с сыном были арестованы НКВД. Сын к началу войны находился в ссылке в районе Архангельска, а судьба мужа оставалась неизвестна.²⁷ Возможно, ее коллаборация с оккупантами была ответом на репрессии со стороны советской власти. Вместе с тем могли сказываться и экономические мотивы: официальный доход Бинюшиц в борделе составлял 1 200 руб. в месяц и полное питание.²⁸ Показания уборщицы дают основание предполагать, что директриса также получала взятки за прием на работу.²⁹ За взятки в Сталино был уволен директор Г. М. Бондарь.³⁰

²² Дополнительные сведения о Людерсе найти не удалось.

²³ См.: ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–5.

²⁴ Там же. Д. 24. Л. 21.

²⁵ См.: ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 72. Д. 1. Л. 16.

²⁶ Там же. Л. 17.

²⁷ См.: ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 24. Л. 11.

²⁸ Там же. Л. 18.

²⁹ Там же. Л. 15об.

³⁰ См.: ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 72. Д. 1. Л. 15–18.

¹⁹ См.: ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.

²⁰ Там же. Л. 9–10.

²¹ Там же. Д. 16а. Л. 15.

Публичные дома имели разнообразный штат сотрудников, который утверждала городская управа. Наиболее многочисленным он был у солдатского публичного дома в Сталино: агент по продовольственному снабжению, кладовщик, электрик, русский гинеколог, переводчик, санитарка, слесарь, разнорабочий, кассирша, баянист, повар, бухгалтер, семь уборщиц, три швейцара и три кочегара. Обслуживающий персонал публичных домов подбирался по принципу кумовства. А. Н. Воронина утверждала, что ее назначил завхозом солдатского «казино» в Таганроге представитель ортскомендатуры принудительно, с применением шантажа и угроз отправки в Германию.³¹ Однако журналист, живший напротив «казино», утверждал, что Воронину устроил туда ее свояк Дудков, производивший ремонт помещения.³² Директора борделей также стремились устроить своих родственников и близких знакомых в бухгалтерию или на кухню. При этом обслуживающий персонал рассматриваемых публичных домов предпочитал не афишировать свое место работы. Важным фактором обособленности «трудового коллектива» стало отрицательное отношение местных жителей к легализации проституции.

«Девушки»

Непосредственно сексуальные услуги в «домах терпимости» оказывали местные женщины, которых чаще всего в документах называли «девушками» или «барышнями». Официально они поступали на должность официанток или уборщиц. В Сталино в гостинице «Великобритания» для немецких солдат первоначально было семь девушек, потом их число возросло до 31. В итальянском «казино» было 15–18 девушек.³³ В Таганроге в солдатском борделе работало 12 девушек,³⁴ а в офицерском «казино» — 4–6 девушек.³⁵ В солдатский бордель Ростова-на-Дону было набрано 11 девушек.³⁶

Все они должны были соответствовать требованиям ортскомендатуры. Нужны были полностью здоровые женщины. При этом свидетели из Таганрога и Ростова-на-Дону отмечали, что набирались только русские.³⁷ Они должны были соответствовать и определенным канонам красоты. Например, врач ортскомендату-

ры Людерс в Ростове-на-Дону «санкционировал прием на работу в казино только рослых, упитанных красивых девушек-блондинок и не допускал в казино брюнеток»³⁸ (тогда как в Сталино брюнетки работали). При трудоустройстве необходим был также приличный гардероб: «Не менее 5 крепдешиновых платьев и 3 пар модельных туфель».³⁹

По многочисленным свидетельствам сотрудников публичных домов, трудностей с набором женщин не было. Возраст «девушек» колебался от 16–18 до 38 лет.⁴⁰ Среди них были незамужние и замужние, чьи мужья служили в Красной армии, вдовы и разведенные, многие имели одного или нескольких малолетних детей. По социальному положению и уровню жизни до войны они также различались: в свидетельствах фигурируют рабочие и служащие. В Сталино среди проституток были женщины из местной интеллигенции: учительницы и бухгалтера, жены инженеров.

Некоторые женщины относились к маргинальным слоям общества и имели криминальный опыт, например, занимались воровством.⁴¹ Шли туда и те, кто фактически уже вступил на путь проституции, работая до этого официантками в кафе и столовых. В Таганроге «девушки» рассказывали, что «шли сюда работать после того, как попробовали жить с богатыми немцами у себя дома. Немцы их обворовывали, преследовали [слово вписано над строкой чернилами другого цвета, вероятно, позднее — Е. К., К. С.] и за услуги ничего не платили».⁴² Характерно, что значительное число претенденток отсеивали из-за венерических заболеваний, которые с большой вероятностью были ими получены в результате интимных связей с оккупантами.⁴³

Часто женщины направлялись в публичный дом обманным путем через биржу труда. Так, в Сталино первоначально набор производился по объявлению в газете «Донецкий вестник»: набирались официантки по обслуживанию немецкого и итальянского командования за оплату по договоренности. Женщинам при трудоустройстве обещали квартиру, питание и все коммунальные услуги.⁴⁴

³¹ См.: ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 24. Л. 20.

³² Там же. Л. 1.

³³ См.: ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 72. Д. 1. Л. 13.

³⁴ См.: ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 24. Л. 16.

³⁵ Там же. Л. 13.

³⁶ Там же. Л. 23.

³⁷ См.: ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 24. Л. 130б.

³⁸ Там же. Л. 22.

³⁹ Там же. Л. 7–70б.

⁴⁰ Там же. Л. 6, 10, 17.

⁴¹ Там же. Л. 170б.

⁴² Там же.

⁴³ См.: ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 72. Д. 1. Л. 15.

⁴⁴ См.: Открывается гостиница // Донецкий вестник. 1942. 12 марта.

В Таганроге «девушки» набирались «от ворот». Более того, по свидетельству гардеробщицы, отдельные женщины давали взятки директрисе солдатского казино, чтобы получить место.⁴⁵ Переводчица городской управы приводила даже такой исключительный случай, когда 16-летнюю девушку привела в публичный дом собственная мать: «Пришла она сюда или из острой нужды, т. к. интересовалась условиями работы в казино, или спасая дочь от увоза в Германию».⁴⁶

В то же время заведующая хозяйством казино в Ростове-на-Дону Воронина делала акцент на том, что женщин устраивали проститутками насильно. Воронина рассказывала, что все они пришли в «казино» «отнюдь не по доброй воле»: «Их загнала сюда, в эту клоаку, немецкая власть, запутавшая свои жертвы голодом, гестапо, высылкой, расстрелом... Шли сюда и женщины, обремененные семьей, дети которых буквально умирали от голода: сюда их приводило желание любой ценой, даже ценой продажи врагам своего собственного тела, спасти своих детишек от голодной смерти...»⁴⁷ Она рассказала историю о том, как в казино пришла устраиваться 15-летняя девушка, не желавшая ехать на работы в Германию. Она умоляла взять ее на должность официантки, совершенно не представляя, что ее ждет.⁴⁸

В своих показаниях сотрудница гостиницы «Великобритания» в Сталино утверждала, что она и ее подруги действительно были принудительно вовлечены в проституцию. Во время ночной облавы в мае 1942 г. к ней домой пришли полицейские и забрали паспорт. Когда через неделю девушка пришла в полицию за документами, оказалось, что всех присутствовавших там мужчин и женщин отправляют на принудительные работы в Германию. В это время к зданию полиции подъехал немецкий офицер, который выбрал из толпы свидетельницу и двух ее подруг и велел полицейскому направить их в бордель. Проработав около месяца, девушка добилась, чтобы ее уволили, и больше проституцией не занималась.⁴⁹

Практически все сотрудники публичных домов, включая проститутки, так озвучивали мотивы своего выбора: возможность прокормить себя и свою семью, бронь от отправки в

Германию или на тяжелые работы (расчистку дорог, рытье окопов и т. п.). По словам М. Ф. Бинюшиц, в основном девушки «шли на работу в казино от голода и тяжелой жизни».⁵⁰

Условия работы

Внутренняя организация пространства борделей различалась. В Сталино каждая «девушка» проживала в отдельной комнате. В офицерском борделе в Таганроге было три комнаты, в которых размещалось по две кровати, а в солдатском — четыре кабинета с тремя кроватями, отделенными ширмой.⁵¹ Девушки получали чистое постельное белье, а их комнаты ежедневно убирали уборщицы.

Организация офицерского казино в Таганроге существенно отличалась от солдатских публичных домов. Оно должно было «представлять собой нечто вроде клуба-ресторана с музыкой, танцами и прочее, где офицеры вместе со своими дамами могли бы веселиться, беседовать».⁵² В гостиной стояли столики, мягкая мебель и трюмо, а еду и напитки посетители приносили сами. Настроение создавали чилившие в штате три музыканта. Офицеры имели несколько вариантов проведения досуга: «1. Провести здесь время, выпить, потанцевать и уйти. 2) выбрать девушку и забрать ее с собой. 3) или воспользоваться девушкой в самом казино».⁵³ Иногда они приходили в казино пообщаться и потанцевать со своими дамами, не имевшими отношения к работе публичного дома.⁵⁴

Время начала работы для всех борделей в Таганроге и Ростове-на-Дону было одинаковым — 16:00. Офицерское казино работало в Таганроге до полуночи, но фактически закрывалось гораздо позже.⁵⁵ Солдатское казино работало до 20:30. В борделях, предназначенных для солдат, клиентам оставаться на ночь запрещалось, а за соблюдением этого правила следили патрульные.⁵⁶ На два часа больше был рабочий день у сотрудниц солдатской «гостиницы» в Сталино.⁵⁷

Ежедневное количество клиентов не было строго определено. По словам уборщицы итальянского «казино» в Сталино, в висевшем

⁴⁵ См.: ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 24. Л. 150б.

⁴⁶ Там же. Л. 10.

⁴⁷ Там же. Л. 22.

⁴⁸ Там же. Л. 23.

⁴⁹ См.: ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 72. Д. 1. Л. 6–60б.

⁵⁰ ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 24. Л. 17.

⁵¹ Там же. Л. 16.

⁵² Там же. Л. 90б.

⁵³ Там же. Л. 120б.

⁵⁴ Там же. Л. 14.

⁵⁵ Там же. Л. 13.

⁵⁶ Там же. Л. 18.

⁵⁷ См.: ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 72. Д. 1. Л. 8.

на стене борделя внутреннем распорядке указывалось максимально допустимое количество на одну «девушку» — до 30 человек в день. Но были и те, кто принимал больше, «т. к. пришли с целью заработка». ⁵⁸ Если «девушки» принимали недостаточно клиентов, то могли иметь неприятности. Так, директор солдатского «казино» в Таганроге «очень грубо обращалась с девушками, т. к. последние очень мало пропускали солдат, много танцевали». ⁵⁹ Сами проститутки на допросах утверждали, что принимали клиентов по мере сил.

Доходы «девушек» складывались из гонорара от продажи талонов и чаевых. Стоимость везде была одинаковой — 3 марки или 30 руб. От 30 до 50 % получали «девушки», остальное шло на нужды казино и в ортскомендатуру. ⁶⁰ В солдатском борделе Таганрога общий доход за месяц составлял в среднем от 3 до 9 тыс. руб. ⁶¹ Приблизительно такой же доход получали «барышни» в Сталино — они «зарабатывали хорошо и скупали на базаре продукты или обедали в ресторане». ⁶² Помимо этого в публичных домах существовала практика вручения подарков. Во время посещений немцы могли приносить конфеты, шоколад, белье, чулки, одеколон, мыло и т. д. ⁶³

Сотрудницы публичных домов получали трехразовое питание. В Таганроге им выдавали дополнительно 1 кг хлеба ежедневно. ⁶⁴ В Сталино рацион «барышень» включал хлеб, мясо, суп, кашу, масло, мармелад, кофе и даже вино. Что-то они получали по карточкам, а что-то приобретали сами. Как рассказывал Н. Г. Никишин, «питались за свой счет, питание состояло по 4 категории: хлеб в день 300 грамм по карточкам и добавочное по 300 грамм, выписывал их старший санитар через продовольственный отдел Городской управы. Эти добавочные 300 грамм девушки получали, только если санитар находил нужным. Круп 30 грамм, масло 10 гр., мед 30 гр., колбасы кровяные, мясо 70 гр, мука, все это шло в котел, кроме меда. Готовили только обед, он стоил 3–10 рублей, завтрака и ужина не было. Если девушки хотят завтракать или ужинать, то брали из буфета. Стоимость обеда девушки платили

наличными». ⁶⁵ С переходом публичного дома в ведение ортскомендатуры с конца 1942 г. женщины стали получать немецкий паек.

Получение питания было важной составляющей жизни «барышень», в значительной степени определившей их выбор. Прием пищи воспринимался как значимая часть рабочего дня: женщины подробно рассказывали о своем рационе на допросах даже тогда, когда их об этом не спрашивали. Осознанно или нет, на допросах женщины определяли еду как главное оправдание торговли своим телом в оккупации.

Факты грубого обращения с «девушками» со стороны администрации или посетителей были единичными. Гардеробщица из Таганрога упоминала только два случая избиения немцами девушек за пять месяцев. ⁶⁶ В Сталино одна свидетельница заявила, что Бондарь обращался с девушками «грубо»: он мог отобрать обед или ужин, однако насильственных действий за ним замечено не было. В случае конфликта с посетителем женщина имела возможность обратиться к дежурившему в «гостинице» жандарму. А одна из функций работавшей в немецком борделе Сталино переводчицы состояла в том, чтобы переводить претензии сотрудниц к клиенту. ⁶⁷

Лишь заведующая хозяйством «казино» Ростова-на-Дону Воронина рассказывала, что женщины подвергались со стороны администрации разного рода насилию и унижению: «Комендант издевался над девушками, не считая их за людей. Одним из его любимых развлечений было кормление своей овчарки, а затем передача объедков пищи от собаки «официанткам»: — На, русс, кушай...» ⁶⁸ Мее-рольд строго следил за выполнением нормы приема посетителей, установленной ортскомендатурой: 18 солдат в строго отведенное время. За нарушения он запирали «девушек» в «изолятор», их комнаты, и не давал им есть. За невыполнение нормы приема «однажды комендант избил до крови двух девушек, которые отказались сойти в зал для дальнейшей работы, ссылаясь на головную боль». ⁶⁹ Наконец, комендант насиловал девушек. ⁷⁰ Возможно, режим в ростовском борделе действительно был близким к тюремному, в отличие от

⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 72. Д. 1. Л. 12–14.

⁵⁹ ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 24. Л. 15.

⁶⁰ Там же. Л. 17.

⁶¹ Там же.

⁶² ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 72. Д. 1. Л. 3–4.

⁶³ Там же. Л. 13; ГАРО. Ф-3613. Оп. 1. Д. 24. Л. 18.

⁶⁴ См.: ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 24. Л. 16.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 72. Д. 1. Л. 15–18.

⁶⁶ См.: ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 24. Л. 15.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. Л. 24.

⁶⁹ Там же. Л. 25.

⁷⁰ Там же. Л. 24.

других рассматриваемых «предприятий». Однако утверждение Ворониной о постоянных изнасилованиях комендантом женщин в «казино» (несмотря на то, что его жена работала там же бухгалтером) представляется сомнительным.

Покидать стены борделя можно было только в строго отведенные часы между завтраком и обедом. На ночь покидать дома терпимости строго запрещалось. Исключение представлял только бордель для итальянских солдат в Сталино. Работавшие там женщины могли провести ночь у себя дома в том случае, если у них был больной ребенок или родственник.⁷¹

Увольнения в публичных домах были редкими. Причинами этого были факты краж у своих же коллег и самовольное отсутствие в доме терпимости в ночное время. Причем о кражах упоминается в документах как в Сталино,⁷² так и в Таганроге.⁷³ Увольнение или отстранение от работы некоторые допрошенные проститутки воспринимали как наказание. Очевидно, что определенные категории женщин устраивали их условия работы. При этом другие женщины осознавали двойственность своего положения. По словам уборщицы итальянского «казино» в Сталино, они «даже стеснялись выйти на базар потому, что люди знали, что они работали в доме терпимости».⁷⁴ Пренебрежительное отношение ощущалось и со стороны немцев. Когда руководство публичным домом в Сталино перешло в руки немецкой комендатуры, пропуска стали выдавать только на немецком языке и с точным обозначением места работы — бордель.⁷⁵ Немецкие патрульные открыто смеялись над такими женщинами. Точкой невозврата для некоторых было заражение венерическими болезнями. После излечения большинство не возвращалось на работу в публичные дома.⁷⁶

Венерические заболевания

Оккупационная администрация везде осуществляла строгий контроль над распространением венерических заболеваний, в особенности сифилиса и гонореи. Официальные указания по этому поводу в Сталино и Таганроге появились практически одновременно — в конце февраля 1942 г.⁷⁷ В Таганроге в

январе–феврале 1943 г. по сравнению с январем–февралем 1942 г. заболевания сифилисом выросли на 2700%. Всего после освобождения города советскими войсками с ноября по декабрь 1943 г. в вендиспансере была оказана помощь 14367 чел.⁷⁸ В Ростовской кожно-венерологической больнице за короткий период после освобождения города посещаемость возросла почти в четыре раза. Подавляющее большинство больных были женщины.

Ортскомендатура при организации публичных домов была заинтересована в первую очередь в сохранении боеспособности военнослужащих. Медосмотры в «домах терпимости» проходили как мужчины, так и женщины. Посетителей записывали в специальный журнал, чтобы в случае заражения можно было выявить путь передачи болезни и изолировать больных. «Барышни» проходили регулярный осмотр несколько раз в неделю либо специально закрепленным за «предприятием» венерологом, либо врачом вендиспансера. Солдат и офицеров вермахта проверял войсковой врач перед каждым посещением.⁷⁹ При обнаружении у потенциального посетителя признаков венерической болезни следовало довольно жесткое наказание: заболевшего отправляли в лазарет, а после излечения — на три недели в карцер.⁸⁰ Однако, несмотря на все меры по предотвращению распространения венерических заболеваний, в «домах терпимости» случаи заражения происходили. Директор солдатского казино в Таганроге свидетельствовала, что «девушки “выходили из строя” вследствие болезни».⁸¹ О фактах заражения рассказывали практически все допрошенные сотрудницы борделей в Сталино. Их лечением занималась ортскомендатура.⁸²

Судя по работе борделей в оккупации, использование женского тела с целью удовлетворения мужских потребностей и создания условий для психологической разрядки комбатантов имело не меньшее значение, чем их физическая способность воевать. В конечном счете все это служило поддержанию боевого духа армии. При этом немецкое командование не принимало в расчет психологическое состояние «трофейных» советских женщин и последствия перенесенных ими венерических заболеваний.

⁷¹ См.: ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 72. Д. 1. Л. 13.

⁷² Там же. Л. 12–14.

⁷³ См.: ГАРФ. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 24. Л. 14.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 72. Д. 1. Л. 2.

⁷⁵ Там же. Л. 9.

⁷⁶ Там же. Л. 3–4.

⁷⁷ См.: ГАРФ. Ф. Р-1363. Оп. 1. Д. 16-а. Л. 32.

⁷⁸ Там же. Л. 33.

⁷⁹ См.: ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 72. Д. 1. Л. 13.

⁸⁰ См.: ГАРФ. Ф. Р-3612. Оп. 1. Д. 24. Л. 17–160б.

⁸¹ Там же. Л. 18.

⁸² См.: ГАРФ. Ф. Р-3612. Оп. 1. Д. 24. Л. 140б.

Гендерное неравенство в условиях военного времени стало одним из важнейших факторов, определивших повседневность на оккупированных территориях. В рамках «войны на уничтожение» советские женщины оказались в исключительной ситуации двойной дискриминации — как «унтерменши» и как «трофеи». Они были лишены социальной поддержки и утратили прежние социальные связи. В этих обстоятельствах одним из способов выживания стала легальная проституция, санкционированная оккупационными властями.

Женщина, вступившая на путь проституции по своей воле или попавшая в бордель насильно, оказывалась заложницей двойных стандартов. Эта работа поощрялась руководителями ортскомендатуры и предоставляла

некоторый набор социальных гарантий. По формальным признакам вовлеченные в проституцию женщины были одной из наиболее защищенных категорий граждан в оккупации. Но в своей прежней среде, которая воспринимала проституцию как преступление, такие женщины становились изгоями.

Различные обстоятельства вовлечения в проституцию и исключительно тяжелые условия жизни в оккупации требуют дифференцированного подхода к изучению проблемы легальной проституции в контексте коллаборационизма и сексуального насилия. Несмотря на болезненность этой темы, ее осмысление актуально для российского общества как в условиях международных «войн памяти», так и для преодоления последствий войны самим российским обществом.

Evgeniy F. Krinko

Doctor of Historical Sciences, Federal Research Centre of Southern Scientific Centre of the RAS (Russia, Rostov-on-Don)
E-mail: krinko@mail.ru

Ksenia V. Sak

Candidate of Historical Sciences, I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Russia, Moscow)
E-mail: ksenia.sak@gmail.com

“HOUSES OF TOLERANCE” IN THE ROSTOV AND STALINO OBLASTS DURING THE 1942–1943 GERMAN OCCUPATION

The article deals with the organization and functioning of the Nazi brothels in the occupied territory of the Rostov and Stalino (Donetsk) Oblasts during the Great Patriotic War. In the conditions of the “war of annihilation” and the “new order”, Soviet women found themselves in an exceptional situation of double gender discrimination: as “Untermensch” and as “trophies”. One of the forms of sexual collaboration was working in legal “brothel houses”. Formally “girls” were considered one of the most protected groups of the population in the occupation: they received significant income, rations, medical care, and a guarantee from being sent to Germany. In Soviet society, such women became outcasts. The authors analyze the opening of brothels in the Rostov region and in the city of Stalino, their organizers, main and attendant staff, working conditions and venereal diseases of women. The study is based on the documents from two state archives: the State Archive of the Russian Federation (fund of the Extraordinary State Commission for the Establishment and Investigation of the Atrocities of the German Fascist Invaders and Their Accomplices and the Damage They Caused to Citizens, Collective Farms, Public Organizations, State Enterprises and Institutions of the USSR) and the State Archive of the Rostov Oblast (fund of the Commission for Accounting for Damage and Atrocities inflicted by the German Fascist Occupants on Institutions, Enterprises and Citizens of the City of Rostov-on-Don and the Rostov Oblast). These documents are introduced into scientific circulation for the first time. The authors relied on the approaches of gender history, military daily life and historical anthropology.

Keywords: *Great Patriotic War, occupation, legal prostitution, “new order”*

REFERENCES

Berkhoff K. C. *Harvest of Despair. Life and Death in Ukraine under Nazi Rule*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 2004. (in English).

- Frommer B. Denouncers and Fraternalizers: Gender, Collaboration, and Retribution in Bohemia and Moravia during World War II and After. *Gender and War in Twentieth-Century Eastern Europe*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2006, pp. 111–132. (in English).
- Kis O. [Women's Faces of War: Key Themes and Approaches in Western Feminist Historiography]. *Zhinky Tsentral'noyi ta Skhidnoyi Evropy u druiy svitoviy viyni: henderna spetsyfika dosvidu v chasy ekstremal'noho nasytstva* [Women of Central and Eastern Europe in the Second World War: Gender Specifics of Experience in Times of Extreme Violence]. Kyiv: TOV "ART KNYHA" Publ., 2015, pp. 15–39. (in Ukrainian).
- Kovalev B. N. *Kollaboratsionizm v Rossii v 1941–1945 gg.: tipy i formy* [Collaborationism in Russia in 1941–1945: Types and Forms]. Veliky Novgorod: NovGU Publ., 2009. (in Russ.).
- Lebina N. B., Shkarovsky M. V. *Prostitutsiya v Peterburge (40-ye gg. XIX v. — 40-ye gg. XX v.)* [Prostitution in Petersburg (40s of the 19th Century — 40s of the 20th Century)]. Moscow: Progress-Akademiya Publ., 1994. (in Russ.).
- Markwick R. D., Cardona E. C. *Soviet Women on the Frontline in the Second World War*. New York: Palgrave Macmillan, 2012. (in English).
- Mühlhäuser R. *Eroberungen. Sexuelle Gewalttaten und intime Beziehungen deutscher Soldaten in der Sowjetunion, 1941–1945*. Hamburg: Hamburger Edition, 2010. (in German).
- Nikonova O. [Women, War and “default figures”]. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture* [Emergency Reserve. Debate about Politics and Culture], 2005, no. 2–3 (40–41), pp. 282–289. (in Russ.).
- Rebrova I. V. [“Women's” Everyday Life in the Problematic Field of the History of the Great Patriotic War]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 2008, no. 2 (47), pp. 25–33. (in Russ.).
- Senyavskaya E. S. [“You are Seduced by German Women Whose Husbands Have Visited all the Brothels in Europe...”. Liberation of Europe from Fascism by the Red Army in 1944–1945 in the Light of New Archival Documents]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2020, no. 3 (68), pp. 99–106. DOI: 10.30759/1728-9718-2020-3(68)-99-106 (in Russ.).
- Sommer R. *Das KZ-Bordell: Sexuelle Zwangsarbeit in nationalsozialistischen Konzentrationslagern*. Paderborn: Schöningh Verlag, 2009. (in German).
- Steinberg J. The Third Reich Reflected: German Civil Administration in the Occupied Soviet Union, 1941–1944. *English Historical Review*, 1995, no. 110, pp. 620–651. (in English).
- Stiazhkina O. [“Occupied” Women: Factors, Resources and Survival Strategies]. *Zhinky Tsentral'noyi ta Skhidnoyi Evropy u druiy svitoviy viyni: henderna spetsyfika dosvidu v chasy ekstremal'noho nasytstva* [Women of Central and Eastern Europe in the Second World War: Gender Specifics of Experience in Times of Extreme Violence]. Kyiv: TOV “ART KNYHA” Publ., 2015, pp. 185–195. (in Ukrainian).
- Surviving Hitler and Mussolini: Daily Life in Occupied Europe*. Oxford; New York: Berg, 2006. (in English).
- Timm A. F. The Ambivalent Outsider: Prostitution, Promiscuity, and VD Control in Nazi Berlin. *Social Outsiders in Nazi Germany*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2001, pp. 192–211. DOI: 10.1515/9780691188355-009 (in English).
- Vinen R. *The Unfree Franch: Life under the Occupation*. New Haven; London: Yale University Press, 2007. (in English).
- Voronin K. V. Documents about the Activities of the Rostov Regional Commission for the Establishment and Investigation of the Crimes of the Nazi Invaders and the Damage Caused by Them. *Russkii Arkhiv*, 2019, no. 7 (1), pp. 57–79. DOI: 10.13187/ra.2019.1.57 (in Russ.).

Для цитирования: Кринко Е. Ф., Сак К. В. «Дома терпимости» в Ростовской и Сталинской областях в период немецкой оккупации в 1942–1943 гг. // Уральский исторический вестник. 2023. № 2 (79). С. 96–115. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-2(79)-96-115.

For citation: Krinko E. F., Sak K. V. “Houses of Tolerance” in the Rostov and Stalino Oblasts during the 1942–1943 German Occupation // Ural Historical Journal, 2023, no. 2 (79), pp. 96–115. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-2(79)-96-115.